

СЛЕДУЯ СВОЕМУ ДОЛГУ

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ И МЫ



В КАКОЙ непрекращающейся, постоянной мучительной муке жил Высоцкий, знают все, кто хоть раз слышал или видел его. Но я думаю, не все сознавали и признают, что это была наша общая продолжающаяся мука рождения, родовая боль, пронзающая всех нас. Кто-то должен был выкричать эту боль. Мы носили ее в себе все. Но выкричал и выпел ее Высоцкий. Его песни — о нашем рождении. Крик о необходимости и неизбежности человеческого рождения. Не физического только, которому можно помочь, а духовного, — ~~рождения, где помощь нужна~~ — ибо здесь каждый рождается сам. Поэтому оно так мучительно и непосильно.

**И еще будем долго
огни принимать за пожары мы.
Будет долг казаться зловещим
нам скрип сапогов.**

**Про войну будут детские игры
с названиями старыми.
И людей будем долго делить
на своих и врагов.**

Хотя часто кажется, что зло и ложь очевидны и что источник, причина их, как правило, мы сами, мы редко реагируем на это, как подобало бы людям «второго рождения». И не только от сковывающего порой нас страха или равнодушия, но просто потому, что стать и быть человеком, родиться им, даже при желании, действительно трудно. Гораздо легче продолжать чувствовать и воспринимать себя частицей общества, чем самим собой, и разделять общую судьбу, чем вершить собственную.

Ведь, в самом деле, мы знали, что живем в зле и неправде, но с неизменной надеждой, когда рассуждали об этом, продолжали повторять, что «мир не без добрых людей». Что «не все люди злы».

Мы знали, что страдаем и живем скверно, но терпели, ибо привыкли думать, что «может быть еще хуже». Что «хорошо там, где нас нет».

Мы знали, что несправедливость и ложь всегда активны и умеют защищаться, но когда сталкивались с этим непосредственно, то, теряя терпение и надежду, тут же впадали нередко в отчаяние и говорили: «Плетью обуха не перешибешь», «Чем хуже, тем лучше».

Подобными сентенциями успокаивали мы, как известно, себя в повседневной жизни, считая, что уже в этом проявляется наш нравственный выбор, наша нравственная позиция, уповая на то, что рано или поздно, а «жизнь всех рассудит» и все в результате образует.

Поистине, терпение, надежда и отчаяние, т. е. наша неспособность отказаться (даже в момент пробуждения в нас лич-

ности) от чаяний и общих коллективных надежд и заблуждений, были в сущности единственно мыслимыми состояниями, во власти которых мы жили и которыми даже гордились.

Короче, в ситуации, когда большинство думало, что «страдание есть, а виновных нет, что... все течет и уравнивается» (Достоевский), нами ценилась лишь одна философия — оправдания этого.

Высоцкий не разделял ее. И не опрашивал. Как человек и поэт он следовал в своей жизни иному принципу, иной философии: если я знаю, что я есть, то знаю и то, как я должен поступать.

**Я не люблю себя, когда я трушу,
и не терплю, когда невинных бью.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
там более — когда в нее плюют.**

Он знал это, показав и нам, что огромное, слепое человеческое горе даже в минуту отчаяния находит себе союзника в Слове и через Слово обретает способность светиться не только надеждой, но и сознанием достоинства.

Коллективное зло порождает мифологию коллективных упований. И, видимо, нужен был в том числе и Высоцкий, чтобы напомнить, сказать нам об этом. Его хриплый — от земли и небес — голос, чтобы мы его услышали.

**Меня опять ударило в озноб,
грохочет сердце, словно в бочке камень.
Во мне сидит мохнатый, злобный жлоб
с мозолистыми, цепкими руками...**

**Он не двойник и не «второе я».
Все объясненья выглядят дурачки.
Он — плоть и кровь моя,
дурная кровь моя.
Такое не приснится и Стругацким.**

**Он ждет, когда закончу свой виток.
Моей рукою выведет он строчку.
И стану я расчетлив и жесток,
и всех продам — гуртом и в одиночку.**

**Я оправданья вовсе не ищу.
Пусть жизнь кончается и тает, тает...
Но я себя и перед смертью не прощу,
когда он вдруг одолевает!**

**И я собрал остаток сил —
теперь его не выведет кривая!
И в глотку, в вены я себе
другую кровь вгоняю!**
Что это? Самобичевание?.. Самопожертвование?..

**Но гениальный всплеск похож на бред.
В рождение смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
и не находим нужного вопроса.**

(«Мой Гамлет»)

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух», — гласит древняя мудрость.

Размышляя о природе духовного начала в человеке, Декарт писал в свое время: «Что касается моих родителей, от которых, как мне представляется, я произошел, то... все-таки не они сохраняют меня, и даже не они породили меня, поскольку я — мыслящая вещь».

Для Высоцкого подобное «чувство мысли», я думаю, во многом было определяющим. И, лишь учитывая это обстоятельство, можно, мне кажется, ответить на вопрос, почему он столь беспощадно относился к себе, подвергая, как некогда анахореты, свое тело постоянным испытаниям. Очевидно, он вел сходную борьбу, но уже не с собственным, а с социальным телом за освобождение себя от «цепких рук» и «дурной крови» традиции.

Существуют по меньшей мере три известных пути обретения человеком своей сущности, сохранения себя в качестве человека. Путь долга, путь мысли (или познания) и путь любви. Причем путь познания, возможно, самый трудный из них. Ибо если человек добр, то это легко находит признание, так же, как в силу очевидной наглядности и факт выполнения человеком своего долга, следование ему воспринимается обычно с неизменным восхищением. Мысль же (ввиду нерасторжимой ее связи с языком) чаще всего находится на подозрении, о чем свидетельствует вся история познания (как научного, так и художественного) с ее взаимными человеческими обвинениями в разного рода ошибках, заблуждениях и пр. Хотя, казалось бы, быть в мысли, оказаться в ней — значит родиться! Однако, поскольку язык многозначен, обманчив, постольку доказать другим свое пребывание в мысли всегда сложно, можно лишь косвенным путем. То есть опять же с помощью языка.

Я ВОВСЕ не собираюсь, однако, считать или называть Высоцкого «героем-спасителем». Отнюдь. Это было бы неверно. Полагаясь во всем на себя и друзей, он сам не вставал в эту позу. И, возможно, поэтому мы не встретим в его песнях заискивающих ссылок на народ, как не найдем в них и упований на помощь со стороны или свыше. Его путь духовного рождения действительно непередаваем.

Есть такое понятие «эксперимент». Обычно о нем говорят в связи с доказательством или опытной проверкой выдвигаемого научного положения. Другими словами, эксперимент — это определенного рода искусство или способ достижения истины.

По отношению к человеку говорить об эксперименте, разумеется, недопустимо. Хотя история науки и опровергает это. Известно, например, что целый ряд ученых ставили эксперименты на себе, расплачиваясь порой за это собственной жизнью.

Я думаю, вся жизнь Высоцкого также была подобным экспериментом, но связанным не с поиском истины научного характера, а с доказательством необходимости своего личного, духовного присутствия в мире, восстановления нравственных начал жизни.

Такие понятия, как добро, истина и красота, познаются человеком только на собственном опыте. Это истина старая, и Высоцкий лишь напомнил нам о ней. Если мы познаем, то познаем в той мере, в какой любим и следуем своему долгу.

Я остановился на этом, чтобы подчеркнуть следующую мысль. В отличие от интеллигентов поколения Б. Пастернака и А. Ахматовой, сумевших сохранить полученную ими по праву рождения культуру, поколению Высоцкого еще нужно было родиться и наработать мускулы ума, достоинства, чести, чтобы появилась возможность восстановления нравственных основ нашей жизни.

Высоцкий был человеком русской культуры. Отсюда — особенности его характера и жизни, и самого факта его духовного рождения: готовность к самопожертвованию, ясный и бескомпромиссный ум и непомерное чувство ответственности, дошедшее до жестокости в отношении себя.

Вся его жизнь, безусловно, — символ того пространства, культурного и исторического, в котором он жил и, преодолевая которое, не только обозначил своими песнями границы этого пространства, но и подобрал ключ к нашим душам, открыл нам путь к обретению самих себя.

Юрий СЕНОКОСОВ.

Фото Игоря ДАНИЛОВА.